
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ

© 2005 О.В. Петровская
УДК 94(378(4-014))(091)
ББК 66.01

Высшая школа Болгарии и Польши в 1944-1989 гг.: проблемы финансирования и материального обеспечения

Аннотация:

В статье сделана попытка компаративного анализа развития материальной базы высшей школы Болгарии и Польши в 1944-1989 гг. Выделяются особенности и приоритетные направления финансирования систем высшего образования. Выясняются причины несоответствия материального обеспечения потребностям подготовки квалифицированных кадров.

Ключевые слова:

Высшее образование, финансирование, материальная база, Восточная Европа, «реальный социализм», Болгария, Польша.

Историку начала XXI века представляется уникальный шанс исследования законченного цикла в развитии стран Восточной Европы от зарождения здесь общественной системы, основанной на идеях социализма в сталинской интерпретации и опыте советского государства, до ее крушения в конце 1980-х годов. По истечении пятнадцатилетнего периода с момента краха коммунистических режимов, с завершением последней системной трансформации необходимость глубокого и объективного исследования опыта послевоенного развития Восточноевропейских стран становится все более очевидной.

В модели национального ускорения, которая была воспринята добившимися монополии на политическую власть коммунистическими партиями Болгарии и Польши в 1948 году, высшей школе была отведена роль механизма по воспроизводству кадров для осуществления ответственных задач общественного и экономического развития. Эффективное выполнение данного императива требовало изменения материальной основы, обеспечивающей функционирование систем высшего образования. В итоге главной особенностью системы финансирования высшей школы Болгарии и Польши после второй мировой войны стал ее государственный характер. При этом черты новой модели финансирования начали проявляться еще до установления монопольной власти рабочих партий в Болгарии и Польше. Во второй половине 1940-х гг. в условиях общей демократизации послевоенной жизни и стремлении использовать высшую школу в качестве козыря в политической борьбе, которая была характерна для пришедших к власти антифашистских фронтов, была отменена плата за обучение в вузах. Программный «Июньский манифест» Польского комитета национального освобождения еще в 1944 г. провозгласил бесплатное образование на всех ступенях обучения, в том

числе и в высшей школе [1, с.145] Финансирование вузов постепенно было включено и в государственный бюджет Болгарии [2, с. 257]. Однако материальные трудности послевоенных лет, которые в Польше, в отличие от Болгарии, усугублялись необходимостью восстановления разрушенных в годы оккупации вузов, не позволяли отказаться от традиционных источников финансирования. При отмене платы за обучение была сохранена оплата студентами некоторых видов услуг, предоставляемых вузами: прием экзаменов, выдача справок и других документов. В результате оба закона о высшем образовании 1947 и 1948 гг. не усвоили идеи окончательного перевода вузов на государственное содержание [3, с. 14]. Они предусматривали взимание вузами согласно традиционному порядку учебных, лабораторных и экзаменационных пошлин, а также платы за дипломы, удостоверения и формуляры. В отличие от предшествующих законодательных актов величина пошлин не определялась, и вузы могли их назначать сами [2, с. 262]. Последующие законодательные акты с появлением новых форм обучения унифицировали плату. Например, студенты-экстерны в начале 1950-х гг. должны были платить 10 левов за курсовой и 30 левов за государственный экзамен [4]. Таким образом, в первые послевоенные десятилетия одним из источников финансирования вузов были пошлины, собираемые со студентов. В 1946 г. доходы, например, Ягеллонского университета с экзаменационных такс превысили 800000 злотых [18, s. 128]. Однако данная финансовая политика вузов противоречила принципу бесплатности образования и усиливала вузовскую самостоятельность, поэтому по мере решения острых материальных проблем взимание пошлин в вузах было отменено. Дольше таксы в высших учебных заведениях продержались в Болгарии, что можно объяснить особенно низким уровнем финансирования

образовательной сферы в 1950-е гг. Обучение в болгарских вузах стало полностью бесплатным только с начала 1960/61 уч. года [5].

Отмена пошлин открыла в истории высшей школы период абсолютного господства централизованного распределения государственных субсидий в соответствии с приоритетами, установленными политическим центром. Следовательно, вузы были поставлены в жесткую финансовую зависимость от министерства.

Необходимо отметить, что, в отличие от Польши, сильная зависимость системы высшего образования Болгарии от государственного бюджета была заметна и до второй мировой войны. Ограничение приема студентов в вузы, которое вводилось властными структурами в межвоенный период, сокращало важную статью вузовских доходов, подрывало академическую автономию и уменьшало возможности научных исследований, что особенно характерно было в условиях мирового экономического кризиса [6, с. 164, 170]. Следовательно, для адаптации болгарских вузов к новой модели функционирования существовали более благоприятные предпосылки, чем в Польше. К тому же восприимчивость советских образцов, на которые приходилось ориентироваться системам высшего образования обеих стран, в Болгарии было облегчено опытом исторического взаимодействия с Россией. Если для поляков социализм изначально воспринимался как чуждое явление уже в силу того, что исходил он от России, то в болгарском общественном сознании он утверждался как собственный вариант существования. Помощь России в русско-турецкой и второй мировой войнах сформировала в ментальных конструкциях болгар установки на искупление грехов, особые обязанности по отношению к СССР, которыми можно объяснить более охотное и интенсивное использование «братской советской помощи» [7, с. 73].

Положительным свойством модели финансирования, сложившейся в Болгарии и Польше на этапе «догоняющей» модернизации, были бесплатность обучения в высшей школе и стремление к обеспечению равномерного распределения средств, выделяемых из государственного бюджета для функционирования высшего образования. Согласно законодательству о высшей школе средства на учебную деятельность, НИР, научные командировки между вузами распределяли ответственные за систему высшего образования министры. Ассигнования распределялись по группам вузов, а внутри группы по отдельным учебным заведениям. При этом вузы представляли на рассмотрение свои предложения по развитию с оценкой затрат (новые проекты, увеличение штатов и т.д.), а государственная администрация старалась уменьшить их в соответствии с последними данными о потребностях в квалифицированной рабочей силе.

В то же время «социалистическая» система финансирования высшей школы имела последствия, которые нельзя оценить однозначно. Развитие вузов непосредственно зависело от выделяемых центральными органами средств. Сокращение бюджета вело к уменьшению набора студентов, что не отвечало интересам высших учебных заведений. Очевидно, что для того чтобы добиться больших средств руководство вузов изобретало самые разные предлоги. Например, одним из сильнейших аргументов Вроцлавского университета была необходимость усиления польского элемента на Западных

землях. Многое зависело от политической активности вузовского руководства. Те учебные заведения, которые имели своих представителей в Центральном или воеводском комитете имели больший доступ к средствам. Дополнительные фонды можно было получить за участие в первомайской демонстрации, проведение акции по поводу Октябрьской революции, расширение рядов вузовской организации ПОРП [19, s. 138, 139]. Наибольшие возможности решить материальные проблемы у вузов появлялись во время празднования юбилеев. Так, к 600-летию Ягеллонского университета в 1964 году сейм выделил ему 299 миллионов злотых [20, s. 195]. Софийский университет получил финансовую помощь в рамках юбилейного фонда «100 лет Софийскому университету» [8, с. 323]. К празднованию 500-летия со дня рождения Н. Коперника (1973 г.) была приурочена программа строительства университетского городка Торуньского университета [21, s. 17].

Полное государственное обеспечение давало основания для определенной «беззаботности» руководства вузов, поскольку снимало с них ответственность за поиск альтернативных источников доходов, гибкое реагирование на изменяющиеся потребности рынка труда, а также рациональное использование средств.

Характерной чертой системы финансирования высшей школы было жесткое постатейное разделение бюджета. Следовательно, вузы не могли распоряжаться средствами, выделяемыми из государственного бюджета в соответствии с собственными потребностями. Данные особенности системы финансирования вынуждали вузы скрывать свои неиспользованные возможности и максимизировать дополнительные запросы. Так, парадоксальным образом в условиях дефицита выделяемых на высшее образование ассигнований система распределения бюджетных фондов способствовала расточительному расходованию ресурсов.

Особенностью системы государственного финансирования высшего образования был «остаточный» принцип выделения ассигнований, обусловленный характерной для социализма политикой дискриминации инвестиций тех отраслей, которые считались непроизводительными. Однако ситуация изменялась в зависимости от времени и места. Социализация болгарского и польского обществ в значительной мере увязывалась со стратегией образовательного развития. В результате, неуклонно растущие расходы на образование в валовом национальном продукте Болгарии выросли с 2,8% в 1954 г. до 6,7% в 1982 г. Максимального значения (5,2%) доля затрат на образование в валовом национальном продукте Польши достигла в 1969 г. Но в последующем десятилетии «остаточность» выделения средств на высшее образование в этой стране становится все более очевидной.

Поскольку политика финансирования образовательных нужд была тесно связана с общим состоянием экономики, колебания в ассигнованиях, выделяемых на образовательную сферу в Болгарии и Польше, не были синхронными. До начала 1970-х гг. Болгария отставала от Польши по доле средств, выделяемых на образование. Ситуация противоположным образом изменилась во второй половине 1970-х гг. В итоге с этого времени и до конца 1980-х гг. траты на образование в польском государственном бюджете были ниже, чем в болгарском. Наибольшего разрыва удельный вес

инвестирования образования двух стран достиг в 1977 г., когда разница в показателях составила 2,7%. В Болгарии доля расходов на образование обнаружила тенденцию к уменьшению только во второй половине 1980-х гг. В Польше значимость образования в общенациональных интересах была значительно ниже, о чем свидетельствуют периоды резкого сокращения ассигнований во второй половине 1970-х и второй половине 1980-х гг.

Несмотря на опережение Болгарией Польши в общих расходах на сферу образования, удельный вес затрат на высшее образование при распределении их по образовательным ступеням в Польше был значительно выше на протяжении всего социалистического периода существования высшей школы.

В середине 1970-х гг. доля трат на высшее образование в Польше была в два раза выше болгарского показателя. Вместе с тем прослеживается синхронность в изменении тенденций по отношению к финансированию высшей школы обеих стран. Наиболее динамично уровень затрат на высшую школу и в Болгарии и в Польше повышался в 1960-е гг. Для обеих стран данное десятилетие характеризовалось превышением темпов роста затрат на высшую школу в общих средствах, выделяемых на систему образования. Максимальный показатель уровня расходов на высшую школу в Болгарии приходится на 1969 г. – 15,7%, а Польши на 1970 г. – 25,8%. В 1969 г. расходы на обучение одного студента в Болгарии были в 5,7 раз выше, чем на одного ученика начальной школы, а Польши – в 6,4 раза [45, s. 577]. С 1963 по 1972 год затраты на подготовку одного специалиста выросли в Болгарии в среднем в 3 раза [рассчитано по: 9, 10]. Однако в последующие десятилетия доля системы высшего образования в образовательных расходах в обеих странах устойчиво снизилась. Тем не менее, в 1970-х гг. Польша еще оставалась в числе немногочисленных стран Европы, где коэффициенты роста ассигнований на высшее образование продолжали опережать показатели на образовательных ступенях более низкого уровня [11, с. 48]. Однако 1980-е гг. стали самыми трудными для высшей школы Польши. Не случайно в академической среде росли протесты против сокращения лимитов министерством, выдвигались требования увеличения удельного веса расходов на высшую школу в валовом национальном продукте [22, s. 357]. В конце 1980-х гг. рост процентных ставок на ссуды до 18%, галопирующая инфляция привели к критической ситуации. Обычным явлением стало перечисление вузам не целой суммы, а ежемесячные дотации [20, s. 196]. Во второй половине 1980-х гг., когда высшая школа Польши прочно утратила позиции в приоритетах финансирования, в Болгарии, темпы роста доли расходов на высшее образование начали обнаруживать противоположную тенденцию.

Динамика ассигнований на высшее образование в абсолютных цифрах национальной валюты показывает постоянное увеличение денежных квот. Однако выяснение реальных расходов на высшую школу является сложным вопросом не только из-за доступа к источникам, но и из-за дискусионности подсчетов в условиях инфляции национальных валют. По данным польских экономистов общие затраты на высшее образование в Польше (в сопоставимых ценах) в конце 1980-х гг. составляли только 80,9 % общих затрат 1978 г. [12, с. 131]. Представляет интерес, например, сопоставление средств, выделяемых в

Польше вузам и НИИ в 1960-е гг. Сравнение показывает, что на каждый злотый, выплачиваемый вузу, приходилось 15 злотых, выплачиваемых НИИ [23, s. 196]. Следовательно, квоты, выделяемые специализированным научно-исследовательским институтам, были многократно выше. Вместе с тем абсолютное большинство научных кадров готовилось в высших учебных заведениях, которые продолжали играть роль национальных научных центров. Но научно-исследовательская деятельность не была приоритетной статьей государственного финансирования вузов. Анализируя данное обстоятельство, следует иметь в виду и особенности «советской» модели финансирования всей научной сферы в Центральной и Восточной Европе, при которой, с одной стороны, не придавалось особого значения эффективности вложения средств в науку. С другой – финансирование науки занимало скромное место в государственном бюджете. При этом наименьший удельный вес расходов на науку в структуре бюджета среди стран Центральной и Восточной Европы в 1970-1990 гг. принадлежал Болгарии (1,2%-1,7%). Кроме того по мере ухудшения макроэкономической ситуации и появления политических кризисов вложения в научную сферу уменьшались. Так, в Польше с 1980 по 1989 г. расходы на исследования и разработки сократились на 28% [13, с. 14-15, 19]. Таким образом, несмотря на многочисленные заявления властных структур о роли науки, она стала одной из первых жертв в борьбе с дефицитом государственного бюджета.

Исключение науки из сферы приоритетных задач деятельности вузов, усилия которых были нацелены на обучение специалистов, обусловило острый недостаток финансового обеспечения лабораторий и экспериментальных баз вузов. Так, в 1950-х гг. попытки ректора Софийского университета получить от правительства средства на обеспечение лабораторий специализированным оборудованием оставались практически безрезультатными [8, с. 292]. XI Пленум ЦК ПОРП (1962 г.) констатировал, что в стране «мало лабораторий и чертежных мастерских, к тому же они плохо оснащены» [14, с. 8].

Ситуация несколько изменилась к концу 1960-х гг., когда за наукой была признана роль непосредственной производительной силы. Количество лабораторий и оборудования в болгарских и польских вузах возрастало. В 1970/71 уч. году в Силезском университете закупили научную аппаратуру на 16 млн. злотых, а в Ягеллонском – на 20,5 млн злотых [24, s. 312; 29, s. 153]. В 1973 г. последний получил самый большой в Польше радиотелескоп. Однако современное оборудование попадало в вузы с большим опозданием. Например, первый компьютер – вычислительная машина «Одра» появилась в Ягеллонском университете только в 1969 г. [20, s. 198].

Главной целью бюджетных средств было обеспечение учебной работы вузов. Анализ финансовых отчетов Ягеллонского университета показывает, что из государственных источников в основном покрывались такие статьи расходов, как материальная помощь студентам, зарплата преподавателям, организация студенческих практик, хозяйственные расходы и т.д. Доля расходов на учебно-воспитательную деятельность в уменьшающемся бюджете высшей школы ПНР возрастала. В 1975 г. она составляла 72% всех средств, а в

1987 г. – 81% [рассчитано по: 42, s. 33]. При этом источники свидетельствуют о том, что вузы испытывали постоянный недостаток бюджетных средств и по этим статьям расходов. Так, в январе 1958 г. сенат Вроцлавского университета признал, что с состоянием финансирования далее нельзя соглашаться без протеста [22, s. 204]. Значительный дефицит средств испытывали вузы с инвестированием строительства и капитального ремонта.

Затраты на капиталовложения в системе образования не были ведущей статьёй расходов. Максимального значения (14,3%) их доля достигла в

Болгарии 1970 г., после чего заметен резкий спад до 3,8% в 1974 г. [46, s. 537]. В Польше доля капиталовложений в общих расходах на образование была выше. В 1960-х гг. она в среднем составляла около 16%, а во второй половине 1980-х гг. – 22% [рассчитано по: 44, s. 358, 360; 45, s. 523, 525; 46, s. 535, 537; 48, s. 4-15, 4-17]. В общих инвестиционных расходах в экономике ПНР доля системы образования не была значительной, хотя и обнаруживала тенденцию к увеличению с 1,8% в 1975 г. до 3,4% в 1987 г. Но доля инвестиций, направляемых на высшую школу, в данной статье расходов на образование обнаруживает обратную тенденцию. Если в 1975 г. инвестиции высшей школы составляли 45% всех инвестиций в сферу образования, то в 1985 г. – 18,19%, а в 1987 г. – 14,55% [42, s. 32-33]. Следовательно, экономия средств в условиях социально-экономического кризиса ПНР 1980-х гг. шла за счет строительства и ремонта зданий высших учебных заведений. Если инвестиции в строительство и капитальный ремонт высшей школы Польши в конце 1960-х г. составляли 1/5 часть расходов, то в условиях кризиса 1980-х гг. снизились до 1/20. Кроме того, следует учитывать, что бюджетные средства в полном объеме не доходили до вузов. Например, Ягеллонский университет так и не получил всех денег, выделенных сеймом к юбилею в 1964 г. [20, s. 195].

Исследование отчетных докладов ректоров Ягеллонского университета свидетельствует о хронической нехватке инвестиций для капитального строительства и ремонта старых университетских зданий, перекрывших все нормы и сроки эксплуатации [29, s. 153; 30, s. 12]. Подобные проблемы испытывали и другие польские и болгарские вузы. В Люблинском политехническом институте, формирование которого началось еще в начале 1950-х гг., долгое время занятия велись в профессиональных учебных заведениях, а строительство собственных помещений началось только в 1979 г. [25, s. 20]. До 1955 г. ректорат Вроцлавского университета не мог добиться разрешения на реконструкцию главного здания. Недостаток учебной площади в этом университете составлял в 1976 году 22055 м² [22, s. 162, 319]. Не выполнялась в 1970-е гг. и строительная программа Софийского университета [8, с.323]. При этом в реализации стремлений вузовского руководства к строительству новых помещений высших учебных заведений многое зависело от личных взаимоотношений с властью. Например, здания института химии не было бы в структуре Вроцлавского университета без авторитета профессора Гшебятковской и ее деклараций лояльности [19, s. 139]. Во второй половине 1980-х гг. польские вузы получили возможность более свободно перераспределять средства. Инвестиции в строительство стоимостью до 25 млн. злотых разрешалось брать из фонда развития вуза [31]. Однако в условиях

общего финансового кризиса системы высшего образования расширение прав руководства вузов в распоряжении средствами существенного значения для решения проблем капитального строительства и ремонта МТВ вузов иметь не могло.

С точки зрения таких показателей, как учебная площадь, приходящаяся на одного студента, обе страны отставали от принятых международных эталонов. Так, согласно исследованиям средний показатель учебной площади для проведения занятий, исследований и обеспечения бытовых нужд студентов составлял 100-150 м². Однако среди самых обеспеченных учебными, административными, социальными объектами польских вузов площадь, приходящаяся на одного студента в 1970-х гг., не превышала 50-60% этих норм [32, s. 66, 72]. Самыми необеспеченными площадью студентами в начале 1970-х гг. были учащиеся Лозинского политехнического института (46 м² на одного студента). Кубатура учебных зданий в пересчете на одного студента составляла в 1970 г. в Польше 35,6 м³ [33, s. 84]. В Болгарии в конце 1960-х гг. в технических вузах учебная площадь в расчете на одного студента варьировалась с 1,21 м² в Инженерно-строительном институте до 7,8 м² в Институте по машиностроению, механизации и электрификации в Русе, тогда как норматив, принятый в Болгарии для этого типа вузов, составлял 12 м². Следует отметить, что в ФРГ, например, в этот период учебная площадь на одного студента составляла 16,6 м². В результате помещения для занятий приходилось задействовать с 7 утра до 22 часов вечера [15, оп. 2, а.е. 66, л. 156-158; оп. 3, а.е. 66, л. 58].

Однако нельзя и недооценивать усилия вузовского руководства и амбиций местных властей в обеспечении высших учебных заведений помещениями разнообразного назначения. Следует вспомнить, что в Варшаве, Познани и других польских городах вузы возродились из руин очень быстро. В 1947 г. началось строительство здания для химического факультета Ягеллонского университета, завершившееся в 1952 г. [20, s. 197]. С 1949 по 1964 год было построено 30 объектов Люблинского университета размером 277 м³ [35, s. 37]. С 1956 г. начали строить монументальные клиники для Люблинской медицинской академии [25, s. 19-21]. В 1946 г. была принята долгосрочная строительная программа Софийского университета. Это означало, что впервые после постройки ректората в 1934 г. [2, с. 257; 16 с. 127] университет получил от правительства серьезные материальные средства.

В строительстве сооружений для высшей школы начала вырабатываться концепция преодоления раздробленности учебной базы, прослеживаются попытки внедрения западной идеи кампусов. Первым подобным урбанистическо-архитектурным объектом в Польше стало строительство Люблинского университета. «Университетские городки» – комплексы учебных, административных и жилых зданий – в 1970-х гг. были построены в Торуни в районе Беляны, в Катовицах на территории Лигоце и других академических центрах [21, s. 17; 24, s. 288]. Однако значительного объединения вузовской городской инфраструктуры в Польше и Болгарии произойти не могло, прежде всего, в силу характерного для Восточной Европы централизма с тенденцией размещения вузов в крупных городах. В условиях острой жилищной проблемы эпохи «реального

социализма» выделение участка в 50-70 га для обучения 5 тысяч студентов лишило надежды на получение жилья 20-50 тыс. жителей [32, s.66]. В результате раздробленность сохраняли не только старые университеты (Варшавский и Краковский), но и созданные после войны вузы. Так, здания Лодзинского университета 1980-е гг. оставались разбросанными в нескольких пунктах в радиусе 10 км. В трех комплексах в 1980-х гг. был расщеплен Торунский университет. Очевидно, что такая ситуация снижала эффективность использования времени студентов и преподавателей.

Таким образом, несмотря на рост затрат, гипертрофированное разрастание студенческого контингента в 1940-1980-х гг. не сопровождалось выделением адекватной доли средств для покрытия капитальные нужд. Результатом стал хронический дефицит помещений для учебной и научной деятельности. Не хватало также общежитий, домов для преподавателей. Во второй половине 1960-х гг. доля затрат на жилье для профессорско-преподавательского состава, например, Ягеллонского университета не достигала 0,1% бюджета [27, s. 66; 28, s. 49].

Однако если капитальные расходы высшей школы нельзя отнести к числу приоритетных, то смещение акцента в сторону материальной поддержки студентов отличало структуру финансирования систем высшего образования после второй мировой войны как в Болгарии, так и в Польше.

Государство, национализировав высшую школу, взяло на себя обязательство не только гарантировать бесплатное обучение, но и обеспечить широкий доступ к высшему образованию материально необеспеченных групп населения, превратившихся после 1948 г. в привилегированные. Высшая школа становилась не просто средством подготовки квалифицированных специалистов, но и институтом формирования сторонников и будущих элит политического режима. Широкие программы стипендиальной и других видов материальной помощи обеспечивали общественную поддержку новой власти и стимулировали восходящую социальную мобильность рабочих и крестьян.

Кроме того, стипендия, накладывавшая на получателя определенные обязательства, использовалась как средство распределения выпускников в соответствии с государственными нуждами. В случае отказа от работы по месту принудительного распределения или невыполнения условий договора при назначении целевых стипендий специалист обязан был вернуть средства, полученные им в виде стипендии во время учебы (а в Болгарии и затраты на обучение) [9; 38]. В Польше с 1960-х гг. прослеживаются попытки превращения стипендии в кредит, условия погашения которого зависели от успеваемости и будущей трудовой деятельности выпускника.

Внимание властных структур к стипендиальной политике проявлялось в декларациях партийных съездов и пленумов, поиске оптимально варианта распределения стипендий, расширении бюджетных квот финансирования, привлечении к материальной помощи непосредственных потребителей кадров. Однако материальная помощь студенчеству варьировалась от социально-экономической ситуации в определенный период и от колебаний в планировании численности необходимых специалистов с высшим образованием и наборе в вузы.

До середины 1950-х гг. по размаху стипендиальной помощи Польша значительно опережала Болгарию. В 1954/55 уч. году 72,9% польских студентов имели возможность получать стипендии, а в Болгарии в 1950-х гг. показатель не превысил 43%. Бесспорно, что в сравнении с 3% довоенных обладателей стипендий прогресс был налицо и в этой стране, но «период сталинизма» для польского студенчества с точки зрения материальной помощи оказался самым благоприятным. Вернуться к показателям первой половины 1950-х гг. системе высшего образования Польши до момента крушения социализма не удалось. В 1970/71 уч. году стипендиями пользовались только 42,7% студентов Польши.

Однако сокращение денежной помощи польским студентам в 1960-х гг. не сопровождалось уменьшением государственного стипендиального фонда. Напротив, доля материальной помощи студентам в бюджете высшей школы обнаруживает тенденцию к увеличению вплоть до 1970/71 уч. года, когда она составляла 20,21% [45, s. 525]. Следовательно, основной причиной сокращения удельного веса студентов, получающих стипендии, были высокие темпы расширения студенческого контингента, опережавшие возможности материальной помощи. Численность студентов, получающих стипендии, в 1960-х гг. возрастала высокими темпами, но их удельный вес падал. После кратковременного всплеска 1970-х гг. доля студентов-стипендиатов в Польше начала проявлять тенденцию к устойчивому снижению.

Противоположная тенденция прослеживается в Болгарии, где до конца 1960-х гг. доля стипендий в структуре общественных фондов потребления была одной из самых низких среди социалистических стран и составляла 0,8% [17, s. 45]. Число выделяемых студентам стипендий продолжало оставаться практически неизменным на протяжении 10 лет с 1965 по 1975 годы, а удельный вес стипендиатов в числе студентов дневного отделения не превышал 32%. Но в середине 1970-х гг. в стипендиальной политике Болгарии обнаруживается перелом. В 1976/77 уч. году численность достиг польских показателей (41%). К началу 1980-х гг. возможности получения стипендиальной помощи болгарских студентов оказались значительно шире польских. В 1980-х гг. доля стипендий в расходах высшей школы Болгарии была выше, чем в Польше и составляла в 1983 г. – 8,85%, а в 1990 г. – 14,17% [47, s. 1Y-50; 48, s. 4-64]. В последнем десятилетии социализма в результате некоторого снижения доли болгарских и увеличения польских студентов-стипендиатов произошло сближение показателей в обеих странах. Таким образом, доля студентов, пользующихся стипендиями, прочно преодолевает 50% рубеж, что свидетельствует о курсе на массовый характер гарантированной государством стипендиальной помощи в Болгарии и Польше.

Неспособность государства обеспечить материальные условия для качественной подготовки специалистов обуславливала расширение источников материальных и денежных средств для нужд высшей школы. При господстве системы государственного финансирования польское законодательство 1950-1980-х гг. допускало в качестве источника финансирования вузов добровольные пожертвования. После 1956 г. были восстановлены прерванные в 1949 г. связи с иностранными организациями, которые располагали денежными

фондами. Ягеллонский университет, например, в 1957/58 уч. году получил от фонда Форда более 12000 долларов и 25000 долларов от фонда Рокфеллера [26, s. 18]. Недостаточные финансовые средства вынуждали вузы искать поддержки у производственных организаций, которые платили за выполнение договорных работ и делали добровольные взносы. В Польше такие контакты прослеживаются уже в 1960-х гг. Финансирование университета им. А. Мицкевича по внебюджетным каналам в 1962–1964 гг. увеличивалось на 180% ежегодно [34, s. 480]. Определенную роль в финансовой помощи играли региональные амбиции. Так, организаторы Катовицкого университета в 1968 г. опирались на бюджет воеводства и помощь со стороны местных хозяйственных организаций [24, s. 288]. Ягеллонский университет в 1969/70 уч. году получил от городских властей целый ряд помещений для размещения институтов на улице Гродской [29, s. 153].

Достаточно отчетливо прослеживается целевая направленность внебюджетных средств на те статьи расходов, которые испытывали наибольшее недофинансирование из бюджета: закупка научной аппаратуры, книг, выплата научных стипендий. Однако роль внебюджетных средств в материальном обеспечении вузов в целом нельзя считать значимой. Так, например, в 1972/73 уч. году в расходах Ягеллонского университета (без учета фондовых стипендий) они составляли 2,74% [рассчитано по: 30, s. 39-41].

В 1970-е гг. польские вузы получили возможность финансирования научных исследований непосредственно от производственных организаций [39]. Основным в изменении системы финансирования следует считать то, что вузы получили право самостоятельно распоряжаться доходами от научно-исследовательской работы и иметь банковский кредит. Данный факт означал усиление их финансовой самостоятельности: доходы зависели от эффективности НИР. Из всех средств, отпущенных на научные исследования в 1971 г., от государства было получено 39%, от предприятий – 61%; в 1973 г. соответственно – 34,1% и 65,9% [37, s. 4-5].

В соответствии с очередными изменениями в системе финансирования высшего образования ПНР в октябре 1974 г. источники доходов были дифференцированы в зависимости от сферы деятельности вуза. Нововведением в системе финансирования явилось то, что повышение квалификации кадров в системе последипломного образования было переведено на счет предприятий и государственных учреждений, которые посылали своих работников на курсы. Научные исследования могли финансироваться из нескольких источников: исследовательская работа по государственным планам – из государственного бюджета; выполнение договоров с промышленными предприятиями – за счет предприятий. Основное направление деятельности вузов – учебно-воспитательная работа – продолжало опираться на бюджет государства [36, s. 11-18]. В 1980-х гг. польская высшая школа получает еще большую финансовую самостоятельность благодаря разрешению перераспределять средства из одной сферы деятельности в другую. Так, в 1983 г. вузы получили возможность проводить собственные фундаментальные научные исследования из средств, отпущенных на учебную деятельность. Кроме целевых средств они могли

использовать другие источники для финансирования учебной работы: пошлины за экзамены и дипломы, доходы от издательской деятельности, культурных и общественных мероприятий, проводимых студентами [40]. Согласно распоряжению совета министров от 23.06 1986 г. все финансовые излишки могли идти в фонд развития вуза и дополнительного вознаграждения сотрудников [41].

Таким образом, в Польше в условиях неспособности экономической системы содержать высшие учебные заведения начали предприниматься попытки видоизменения системы финансирования высшего образования с целью ее большей эффективности. Однако в целом в 1950-1980-х гг. финансовую политику в отношении высших учебных заведений Болгарии и Польши можно охарактеризовать как достаточно стабильную и консервативную. Центральная администрация не имела стимулов к ее изменению и придерживалась принципа жесткой координации и контроля. Поскольку деятельность высшей школы была сконцентрирована на функции подготовки квалифицированных кадров с марксистским мировоззрением, финансовые средства из государственного бюджета направлялись на обеспечение учебной деятельности и оказание материальной помощи нуждающимся студентам. Наука в вузах, рассматриваемая на протяжении всего исследуемого периода как вспомогательный элемент учебной деятельности, испытывала наибольший недостаток материального обеспечения. Превращение высшей школы из элитарной в массовую, обусловленное потребностями «догоняющей» модернизации, не сопровождалось пропорциональным увеличением финансирования высшей школы. При декларируемом внимании к повышению образовательного уровня населения образование относилось к непромышленной сфере и, следовательно, не могло иметь шансов на приоритет в ускоренном переходе к постиндустриальной цивилизации. В результате материальная база высшей школы в Болгарии и Польше оставалась ее «ахиллесовой пятой» с 1940-х до 1980-х гг.

Примечания:

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.УІІІ. Январь 1944 – декабрь 1945 г. – М, 1974.
2. Донков Р. Национализацият университет (1944-1949)// Университетът. – София, 1999. – С.57-99.
3. Закон за висшето образование //Сборник от закон и правилници по висшето образование. – София, 1949. – С.3-17.
4. Правилник за екстерната във висшите учебни заведения // Известия на Президиума на Народното Събрание. – София, 1953. 15.05. № 39. с.2-3.
5. Закон за премахване на учебните такси // Наука и висше образование. Законы, указы, постановления и распореджания. – София, 1970. – С.86-87.
6. Лалков М. Между изпитанията и надеждите на едно повратно време (1931-1944) // Университетът. – С.164-222.
7. Кьосева Ц. Българо-съветските отношения. Пропаганда и конюнтура (1944-1949) // Исторически преглед. София, 1999. – № 1-2. – С.67-85.
8. Попнеделев Т. Социалистическият университет (1950-1989) // Университетът. -София, 1999. – С.281-326

9. Нормативи за размера на средногодишните разходи по обучението, подлежащи на възстановяване в приход на бюджета от неизправни стипендиати и неизпълнили задължението си да работят съгласно распределението млади специалисти, завършили висши учебни заведения, полувисши институти, техникуми, професионални технически училища и училища по изкуства у нас и в чужбина // Държавен вестник. – София, 1963. -№ 70. -6.09.- С. 3-4.
10. Нормативи за размера на средногодишните разходи по обучението, подлежащи на възстановяване в приход на държавния бюджет от неизправни стипендиати и неизпълнили задължението си да работят съгласно с разпределението млади специалисти, завършили висши учебни заведения, полувисши институти, техникуми, професионално-технически училища и училища по изкуства у нас и в чужбина // Държавен вестник. – София, 1972. -№ 44. -6.06. – С. 3-4.
11. Доступ к высшему образованию в Европе. – Бухарест, 1981.
12. Козма Т., Шетеня Я. Изменение политики и дилеммы в финансировании высшего образования: ситуация в Венгрии в сопоставлении с ситуацией в других восточноевропейских странах // Высшее образование в Европе. – Бухарест, 1992 – №1. – Т. XVII. – С. 126-137.
13. Гохберг Л. М. Финансиране на изследванията и разработките страните от Централна и Източна Европа // Стратегии на образователната и научната политика.- 1999. – №1. – С. 14-24.
14. XI Пленум ЦК ПОРП. Доклад Политбюро ЦК ПОРП. Основные задачи в области высшего образования и научных исследований // Польские ведомости. – Варшава, 1963. -№ 1. – С.1-37.
15. Централен държавен архив на Република България. Ф 517, оп. 2, а.е. 66, л. 156-158; оп. 3, а.е. 66, л. 58.
16. Огянов Л. Университетът– мерило за национално достойнство (1918-1931) с100-163// Университетът. – София, 1999. – С. 100-163.
17. Статистический ежегодник стран – членов Совета экономической взаимопомощи. М, 1987.
18. Perkowska U. Studenci Uniwersytetu Jagiellońskiego w latach 1945-1948/49. – Kraków, 2001.
19. Sitek W. Kto kogo przechrzyży, czyli problemy Uniwersytetu w państwie monopartii // Studia i materiały z dziejów Uniwersytetu Wrocławskiego. – Т. III. – Wrocław, 1994. – S. 131-144.
20. Stopka K., Banach A. K., Dybiec J. Dzieje Uniwersytetu Jagiellońskiego – Kraków, 2000.
21. Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu. – Toruń, 1981.
22. Wrzesiński W. Uniwersytet Wrocławski. 1945-1995. – Wrocław, 1995.
23. Gładysz A. Oświata, kultura, nauka w Polsce lat sześćdziesiątych. Wybrane problemy. -Warszawa-Kraków, 1987.
24. Wyrósł z dobrego drzewa ... : Uniwersytet Śląski 1968-1998. Fakty, dokumenty, relacje. – Katowice, 1998.
25. Kowalski Z. Uniwersytet M. Curie-Skłodowskiej w Lublinie. Rozwój szkolnictwa wyższego w Lublinie w latach 1944 – 1979 // Życie Szkoły Wyższej. – Warszawa, 1979. – № 10.- S.13-24.
26. Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za rok akademicki 1957/1958. Kraków, 1962.
27. Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za rok akademicki 1965/1966. Kraków, 1968
28. Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za lata akademickie 1968/69-1969/70 – Т. LXXXV. – Kraków, 1973.
29. Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za lata akademickie 1970/1971-1971/72 – Т. CXXXII. – Warszawa -Kraków, 1975.
30. Kronika Uniwersytetu Jagiellońskiego za lata akademickie 1972/1973—1974/1975. – Т. CXXXIII. – Warszawa - Kraków, 1980.
31. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 23 czerwca 1986 r. zmieniające rozporządzenie w sprawie szczegółowych zasad gospodarki finansowej państwowych szkół wyższych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej Ludowej. – Warszawa, 1986. – № 27. 29. 07. – Poz.. 331. – S. 389-391.
32. Goryński J. Problemy infrastruktury szkolnictwa wyższego w Polsce. Warszawa, , 1977.
33. Tymowski J. Organizacja szkolnictwa wyższego w Polsce. – Warszawa, 1977.
34. Dzieje Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. 1919 – 1969. – Poznań, 1972.
35. Malarczyk J. Powstanie i rozwój Umwersytetu. Uniwebsytet Marie Cueie-Skłodowskiej 1944-1979. Lublin, 1980.
36. Gmytrasiewicz M. Przesłanki i kierunki zmian w gospodarce finansowej szkół wyższych // Życie szkoły wyższej – 1974. – № 6. – S. 9-20.
37. Wasiaś W. Szkoły wyższe w gospodarce narodowej // Życie szkoły wyższej. – 1974. – № 6. – S. 3-9.
38. Zarządzenie ministra finansów z dnia 5 marca 1964 r. w sprawie zasad i techniki finansowania stypendiów fundowanych dla studentów szkół wyższych oraz trybu poboru podlegających zwrotowi stypendiów i zasiłków pieniężnych // Monitor Polski. Dziennik Urzędowy Polskiej Rzeczypospolitej Ludowej. -Warszawa, 1964. 16 marca. – № 18. – S. 149-151.
39. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 27 kwietnia 1970 r. w sprawie zasad finansowania prac badawczych i wdrożeniowych. // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej Ludowej. – Warszawa, 1970. – № 12. 21. 05. – Poz.. 112. – S. 134-141.
40. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 25 kwietnia 1983 r. w sprawie szczegółowych zasad gospodarki finansowej państwowych szkół wyższych // Ustawa o szkolnictwie wyższym i wybrane akty wykonawcze. – Warszawa, 1984. S. 80-95
41. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 23 czerwca 1986 r. zmieniające rozporządzenie w sprawie szczegółowych zasad gospodarki finansowej państwowych szkół wyższych // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej Ludowej. – 1986. – № 27. 29.07. Poz.. 331. S. 389-391.
42. Rocznik statystyczny szkolnictwa 1987/88. – Warszawa, 1988..
43. Rocznik statystyki międzynarodowej. 1973. – Warszawa, 1973.
44. Statistical yearbook. 1965. – Paris: UNESCO, 1966.
45. Statistical yearbook. 1972. – Paris: UNESCO, 1972.
46. Statistical yearbook. 1977. – Paris: UNESCO, 1978.
47. Statistical yearbook. 1985. – Paris: UNESCO, 1985.
48. Statistical yearbook. 1992. – Paris: UNESCO, 1992.

